

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

II. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА «КРАСНЫЙ СМЕХ»

А. А. Чертко

*Магистрант,
Белорусский государственный
педагогический университет
имени М. Танка,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article observes the linguistic and literary representation of the phenomenon of war madness on the example of L. Andreev's story «Red Laughter». The fusion of clinical and moral madness as a reaction to the socio-political conditions of the early twentieth century is considered. The role of using key messages of the text and literary methods of reflecting the ideas of the author's pacifism are described.

Keywords: the phenomenon of madness; horror; war; representation.

XX век для человечества (и России, в частности) стал одним из самых трагических временных отрезков в истории. Это объясняется социально-политическими событиями и катастрофами: мировыми войнами, общественными катаклизмами, установлением режима тоталитаризма во многих странах социалистического лагеря. Литература и искусство стали полем изображения и осмысления происходящего. Писатели стремились отыскать причины обесценивания человеческой жизни, размышляли о дальнейшем существовании людей, прошедших испытание войной, изучали деформации человеческого сознания и особенности нового мироощущения.

Одна из тем, ставшая объектом научного познания в XX веке – тема безумия. Феномен безумия «можно назвать полидискурсивным. Он концептуализируется и используется разными культурами, становится объектом исследования в многочисленных научных дисциплинах: литературоведении, лингвистике, философии, психологии» [3, с. 318].

Так, в рассказе Л. Андреева «Красный смех» (1904) безумие становится метафорой ужаса войны и насилия. Безумие в произведении воплощено не только в описании клинических проявлений сумасшествия, вызванного эмоциональными потрясениями и страданиями, но и в поведении людей, которые разжигают войны. Автор создает образ абстрактной войны, однако понятно, что «Красный смех» – это отклик на Русско-японскую войну, оказавшую большое влияние на внутреннее состояние прозаика. Для Л. Андреева война – это нарушение не просто общественно-

политического порядка, но и основ человеческого бытия, разрушение самой жизни.

Для репрезентации феномена безумия автор использует «лексические микроструктуры ключевых высказываний в тексте» [2, с. 101]. Уже первые слова рассказа («...безумие и ужас» [1]) показывают читателю, что хаос смерти и страха заполнил все художественное пространство. Таким способом Л. Андреев формирует представление об основных понятиях произведения, задает ведущую тему. Сочетание «...безумие и ужас» стоит в «сильной текстовой позиции» [2, с. 102] – в начале текста, от остального повествования отделяется абзацем. Не случайно эта фраза встречается и в начале третьего отрывка, усиливая эмоциональную характеристику создаваемых событий. Отметим особенности невербального выражения дисгармонии в рассказе Л. Андреева: текст делится на отрывки, что символизирует отсутствие целостности, законченности, ставит под сомнение наличие единой логичной (разумной) структуры произведения.

Синтаксической особенностью становится использование автором предложений, начинающихся и заканчивающихся многоточиями, что создает ощущение недосказанности, обрывистости мысли. В вышеупомянутом выражении «...безумие и ужас» не хватает субъекта действия, который бы определялся этим состоянием. Этот эллипсис восстанавливается в процессе чтения: контекстуально подлежащим, «производителем» состояния безумия и ужаса становится война. Война – третье ключевое слово рассказа, война – это безумие и ужас. Обозначенные лексические единицы встречаются в тексте в различных формулировках: *Отрывистый и ломаный звук метался, и прыгал, и бежал куда-то в сторону от других – одинокий, дрожащий от ужаса, безумный* [1]. Художественный прием использования основополагающих ключевых выражений позволил Л. Андрееву аккумуляровать смысл рассказа в нескольких словах, сосредоточить внимание читателя на ведущих образах, создать атмосферу безумия.

Красный смех – символ кровавой земли, кровавой войны, кровавого заката и, как кажется, всего мира, наполнившегося чувством войны и безумия: *Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!* [1]. Красный цвет становится своеобразным лейтмотивом данного произведения и может соотноситься с цветом крови: в первой части рассказа главный герой не раз отмечает его в описании окружающих людей и природы: *[...] лицо его было окрашено в тот же красный призрачный цвет крови, превратившейся в воздух и свет* [1]; *[...] как будто стонал красный воздух, как будто стонали земля и небо...* [1]. У героев произведения нет имен. Этот факт можно интерпретировать с разных точек зрения: с одной стороны, отсутствие номинации может усиливать эффект абстрактности происходящего, что показывает ответственность всего человечества за разрушительные последствия войны; с другой – человек на войне, даже если он напрямую не

участвует в военных действиях, перестает ощущать внутреннее «я», становится частью кровавого целого, его мысли связаны лишь с ужасами войны, безумие становится доминантой коллективного сознания.

В произведении можно выделить две категории безумцев. Первая категория – это люди психически здоровые, но ненормальные с точки зрения вековых неоспоримых правил жизни. В таком изображении Л. Андреев использует маскарадную традицию, когда человек теряет свою истинную сущность и превращается в управляемую куклу. Такими можно назвать солдат, являющимися марионетками в руках власти, убивающих по принуждению. Солдаты с потерей внутреннего «я» теряют и свое прошлое, привычный уклад жизни.

Война, по Л. Андрееву, возвращает человека к первобытному состоянию и первобытным ценностям, вызывает процесс деградации. Автор придает некоторым персонажам зооморфные очертания, показывая их инстинктивное поведение. Потенциальных солдат в 13 отрывке писатель изображает как столпотворение безумцев: *Их вели на войну, и они шли, повинувшись штыкам, такие же невинные и тупые, как волы, ведомые на бойню* [1]; апогеем данного перевоплощения становится описание солдата вражеской стороны: *Он был раздет почти догола, избит, исцарапан и голоден, как животное; он весь зарос волосами, как заросли и мы все, и был похож на дикаря, на первобытного человека, на обезьяну. Он размахивал руками, кривлялся, пел и кричал и лез драться* [1]. Л. Андреев использует широкий спектр художественных средств и сравнений для изображения отстраненности человека от себя, герои выходят за грань нормального: *Мертвые, те лежали спокойно, а мы двигались, делали свое дело, говорили и даже смеялись, и были – как лунатики* [1]; [...] *все показались ему похожими на пьяных...* [1].

Война делает из людей убийц не только вражеских войск, но и самих себя. Этой идеей автор акцентирует мысль о деструктивном, разрушительном влиянии насилия на весь мир. Художественное воплощение такое видение войны обретает в символическом изображении уничтожения братских войск друг другом: *Что-то произошло, что-то затемнило взоры, и два полка одной армии, стоя в версте один против другого, целый час взаимно истребляли друг друга, в полной уверенности, что имеют дело с неприятелем* [1].

Вторая категория безумцев – душевнобольные люди, которые не смогли выдержать всей бессмысленности и абсурдности войны. С развитием действия текст наполняется все большим их количеством, к концу событий это явление становится массовым. В первой части рассказа Л. Андреев изображает встречу героя с врачом, который грезит о том, чтобы весь мир стал сумасшедшим домом. Доктор – первый человек, разделяющий с главным героем понимание образа красного смеха. Можно сделать вывод, что данный образ есть индикатор сумасшествия, поскольку очевидно, что врач пребывает в состоянии психической болезни: *Он уже*

кричал, этот сумасшедший доктор... [1]. Однако сумасшествие не становится признаком нравственной деградации, скорее, наоборот: после рефлексии войны человек нравственный не может оставаться психически здоровым; болезнь в данном случае – признак чуткости, закономерный финал «настоящего» человека.

Конец произведения – метафора катаклизма, когда весь мир погрузится в хаос и заполнится красным смехом, трупами, смерть станет единственной жительницей и хозяйкой: [...] *и скоро правильные ряды бледно-розовых мертвых тел заполнили все комнаты* [1]; [...] *за окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех* [1]. Красный смех впервые в произведении пишется с прописной буквы. Можно предположить, что в час полного безумия и победы войны над человечеством он персонализируется и облекается в физическую составляющую.

Таким образом, глубокие переживания и предостережения, связанные с безумием войны, отразились в рассказе Л. Андреева, где клиническое и нравственное безумие тесно переплетены между собой. Главной мыслью автора становится идея пацифизма. Для усиления читательского восприятия на уровне лексики писатель использует ключевые высказывания, на уровне синтаксиса – многоточия, на поэтическом уровне – деление рассказа на отрывки. Страдания, боль, смерть и бессмысленность войны воплощаются в собирательном образе красного смеха. Автор показывает, что любое насилие приводит не только к физическому уничтожению друг друга, но и личностной деградации.

Библиографический список

1. Андреев, Л. Н. Красный смех [Электронный ресурс] / Л. Н. Андреев // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html>. – Дата доступа: 29.10.2021.
2. Кузнецова, Е. И. Языковые средства репрезентации художественных концептов в рассказах Л. Н. Андреева / Е. И. Кузнецова // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 3 (55). – С. 100–104.
3. Чертко, А. А. Трансформация фольклорного образа дурака в сказке Ю. Мамлеева «Ерема-дурак и Смерть» : литературоведческий и лингвистический аспекты / А. А. Чертко // Язык и межкультурные коммуникации : сборник научных статей / Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка ; редкол. В. Д. Старичёнок [и др.]; отв. ред. В. Д. Старичёнок. – Минск : БГПУ, 2021. – С. 317–322.

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору